

В перерыве между съёмками Роберт подошёл к Филсу.

В этот момент Филс смотрел на только что отснятый фрагмент с выражением, полным восхищения. Его взгляд, устремлённый на Микса в кадре, был похож на взгляд, который человек бросает на совершенное произведение искусства, или на тот, что обращён к божеству.

Однако, как бы то ни было, Роберту это казалось чрезмерным.

Работая в мире моды, Роберт не раз сталкивался с дизайнерами и фотографами, которые были одержимы какой-то моделью или работой. Но по сравнению с Филсом они казались совершенно нормальными и даже скучными.

Хотя Роберт и работал в мире моды, он никогда не слышал о режиссёре, который бы ради актёра менял сценарий или даже полностью его переписывал. В мире моды это было бы равносильно тому, что показ одного бренда из-за какой-то модели вдруг превратился бы в показ другого бренда. Это было бы просто абсурдно.

Роберт очень любил Микса. Тот был его благодетелем, его единственным клиентом и человеком, которого он считал самым важным в своей жизни. Но даже он не относился к Миксу так, как Филс.

Филс был слишком добр к Миксу. Он безропотно выполнял все его желания, словно для него не существовало ничего, что Микс мог бы сделать неправильно. Роберт даже начал подозревать, что если бы однажды Микс захотел убить кого-то, Филс не увидел бы в этом ничего плохого и даже помог бы ему осуществить это желание.

Иногда доброта не означает правильности, и такая чрезмерная доброта Филса, по мнению Роберта, была неправильной. Такая излишняя привязанность не должна была проявляться, особенно в самом начале голливудской карьеры Микса, потому что остальные не будут относиться к нему так же.

— Твоя доброта вводит его в заблуждение. Ты не делаешь ему добро, ты вредишь ему.

Филс не согласился с этим:

— Я ввожу его в заблуждение? Что ты вообще понимаешь? Разве я должен быть с ним суровым и постоянно ругать его, чтобы не навредить ему?

Если бы он действительно так поступил, Филс не сомневался, что Микс тут же ушёл бы от него.

Некоторые люди просто рождены для того, чтобы быть любимыми, и, по мнению Филса, Микс был именно таким существом. Кто мог не любить его? Никто не мог не любить его!

Если бы Роберт видел фанатичных последователей, он бы заметил, что Филс сейчас выглядит точно так же.

Роберт считал, что тот просто уходит от ответа. Он никогда не говорил, что Филс должен перейти от одной крайности к другой.

— Ты прекрасно понимаешь, что я не это имел в виду, и тебе не нужно искажать мои слова. Ты любишь Микса, и я благодарен тебе за это, но будут ли другие режиссёры так же любить его? Ты вводишь его в заблуждение.

Это были слова, которые агент вряд ли мог позволить себе сказать режиссёру, но их ситуация была слишком необычной. Всё, что касалось Микса, всегда выходило за рамки обычного.

Под влиянием общественного мнения Филс когда-то был чувствительным и немного неуверенным в себе, но когда дело касалось Микса, он мог с уверенностью сказать:

— Другие тоже будут любить его, будут относиться к нему с привязанностью. Никто не будет плохо относиться к нему, никто не сможет не любить его.

Потому что стоит Миксу появиться в кадре, как этот момент уже становится классикой, а имя этой классики — «Красота»!

Роберт не сомневался в обаянии Микса, но он не был так уверен, как Филс, ведь в этом мире никогда не бывает недостатка в неожиданностях.

— А если найдётся такой человек? — спросил он.

— Ты познакомился с ним раньше меня, но, похоже, совсем его не понимаешь, — сказал Филс, и на его лице появилось выражение самодовольства. — Ты действительно думаешь, что он тот, кто станет терпеть неудобства ради других?

Если бы действительно нашёлся такой человек, то беспокоиться следовало бы не о Миксе, а о нём самом.

Ведь он мог навсегда потерять возможность работать с Миксом. Разве это не было бы самым большим ударом для режиссёра?

Роберт, конечно, тоже понимал Микса, но его отличие от Филса заключалось в том, что Филс постепенно обожествлял Микса, а Роберт всё ещё видел в нём обычного человека, который подчиняется правилам.

Поэтому он беспокоился о тех аспектах Микса, которые противоречили этим правилам.

С этой точки зрения, разница между ним и Филсом была огромной. Ведь даже до того, как Филс начал обожествлять Микса, он уже с самого начала уловил в нём ту самую надменность, которая не признавала никаких правил.

Микс никогда не скрывал своей надменности, но люди часто недооценивали её.

Филс же никогда этого не делал, поэтому он заменил Нарцисса, любующегося своим отражением, на того самого самовлюбленного юношу с розами.

Когда снимали сцену, в которой богиня красоты признавалась ему в любви, а Адонис думал только об охоте, та самая надменность, с которой Микс играл Адониса, не была ли отражением его самого?

На самом деле Филс считал, что даже если бы это произошло в реальной жизни, Микс, вероятно, вёл бы себя точно так же, а возможно, был бы даже более надменным, чем Адонис.

Такая надменность — это не то, что можно легко сыграть, даже обладая великолепным актёрским мастерством. Ведь такая надменность должна исходить из души, но в реальной жизни люди часто скованы правилами, и Роберт был ярким примером этого.

— Почему ты, простой смертный, беспокоишься о божестве? — Филс говорил это Роберту, но

его взгляд был прикован к Миксу.

Это был первый раз, когда он произнёс слово «божество» вслух. Роберт думал, что уже хорошо понимает, как высоко Филс ставит Микса, но теперь увидел, что недооценил его. Хотя он и догадывался об этом, но догадка и подтверждение — это разные вещи.

— Я больше всего боялся, что он встретит такого человека, как ты.

— Но Микс всё же встретил его.

— Но я думаю, он будет рад встретить такого человека, как я.

Нужно признать, что в понимании мыслей Микса Филс действительно был проницателен.

И если бы он хотя бы половину той энергии, которую тратил на угадывание желаний Микса, направил на борьбу со сплетнями, он бы не оказался в таком затруднительном положении.

Вот такие странные существа — люди. Они могут быть бесстрашными и самоотверженными в одних вещах, но в других — робкими и безразличными.

Их спор закончился на этом, потому что к ним подошёл Микс.

Он, конечно, знал, что здесь происходит, но всё же небрежно спросил:

— О чём вы тут говорите?

Роберт хотел сказать, что ни о чём, но Филс опередил его:

— Мы обсуждали привязанность. Микс, а ты бываешь привязан к кому-то? К кому ты мог бы быть привязан?

В этот момент Филс задавал вопрос так, словно был последователем, спрашивающим божество, самый ли он преданный и самый ли любимый.

— Привязанность? — Произнося эти слова, Микс как будто мельком вспомнил несколько лиц, а может, и нет. — Думаю, я не буду привязан ни к кому.

Потому что я люблю только себя. В этом он, конечно, был немного похож на Нарцисса, но он точно не утонул бы так беспомощно, как тот.

Услышав такой ответ, Роберт взглянул на Филса. Он ожидал, что тот расстроится, но Филс оставался спокоен, словно это было именно то, что он ожидал.

Ведь разве божество не должно быть таким — бескорыстным, не любящим никого или любящим всех одинаково?

Почувствовав, что от Филса к нему поступает ещё одна порция веры, Микс невольно улыбнулся. Эта улыбка заставила и Филса, и Роберта, недавно видевших Брюса Уэйна, на мгновение замереть.

Филс/Роберт: Почему-то кажется знакомым...